

ЖИЗНЬ. СМЕРТЬ. БЕССМЕРТИЕ (Обзор основных религиозно-философских парадигм)

«Человек» — 2000 №5-6

В.Ш. Сабиров

Сабиров Владимир Шакирович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Новосибирской государственной академии строительства. В журнале «Человек» опубликовал статью [«Судьба пророка \(опыт метафорического истолкования стихотворения А.С. Пушкина\)»](#) (Человек. 1997. № 5).

Смерть человека, несмотря на ее биологическую и антропологическую идентичность, вариативна в культурном и духовном смысле. Восприятие, оценка, переживание смерти и размышления на эту тему столь заметно дифференцируются в разных культурных системах и исторических эпохах, что имеет смысл говорить о существовании особых духовно-ценностных и теоретико-философских парадигм. С нашей точки зрения, можно выделить четыре парадигмы осмысления и отношения к смерти:

- трактовка смерти и смертности человека (онтология смерти);
- оценка смерти (аксиология смерти);
- представление о бессмертии (метафизика смерти);
- моральные императивы (нормативная этика смерти).

В соответствии с данной схемой мы и рассмотрим несколько наиболее типичных решений проблемы жизни и смерти, как бывших в истории мировой культуры, так и существующих поныне.

Античная философия

В античной философии классического и эллинистически-римского периода тема смерти занимает заметное место, а в школах платоников, эпикурейцев и стоиков она является одной из центральных. Философская рефлексия над вечной проблемой бытия разворачивается на основе древних мифологических воззрений, языческой религиозности и традиций, складывавшихся в различных слоях греческого и римского общества.

Онтология смерти. Согласно античной мифологии и философии человек смертен по своей природе. У греков и римлян человек и смертный — синонимы. Бессмертными являются лишь боги и герои, принятые в сонм богов за свои подвиги (Геракл, например). Смерть — не только неизбежность, вытекающая из природы человека, закон его бытия, но она еще строго фиксирована судьбой, понимаемой как рок, фатум. Древние греки и римляне, осознавая свою смертность, верили в то, что время, место и способ расставания их с жизнью жестко предопределены судьбой.

Аксиология смерти. В античной культурной традиции смерть однозначно оценивается как зло. Это связано не только с приверженностью древних к радостям земной жизни, но и с тем, что, согласно народным верованиям, со смертью человек полностью не уничтожается, а наступает время его призрачного существования в подземном царстве теней — Аиде. Сенека в одной из своих трагедий так описывает Аид:

¹Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцинию. Трагедии. М., 1986. С. 405.

Там нет лугов, что взгляд ласкает зеленью,

Хлеба под легким ветром не колышутся,
В лесу плодоносящих не найти ветвей.
Бесплодны и пусты поля подземные,
Окаменела почва в вечной праздности.
Здесь — всех вещей предел, здесь мир кончается.
Недвижим воздух, неба свод ленивого
Всегда во тьме. Здесь все гнетет унынием;
Страшней, чем смерть, обители посмертные¹.

² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 433.

Перспектива призрачного и безрадостного существования в Аиде, одинакового для всех людей — добродетельных и порочных, знатных и простых, богатых и бедных — вызывала у древних греков и римлян печаль и страх. В этом контексте становится понятным пафос античной философии, попытавшейся переориентироваться в оценочном плане, доказывая, что не смерть есть зло, а страх перед нею. В разных философских школах ищут свои доказательства и концептуальные решения, обесмысливающие страх смерти. Эпикур, например, доказывал, что со смертью уничтожается не только тело, но и душа человека, которая распадается на атомы и рассеивается в пустоте. Следовательно, со смертью пропадает всякое ощущение — она есть ничто. Так древне-греческий философ делает свой знаменитый вывод: «...самое ужасное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет»². Отсюда следует, что нет никакого Аида и посмертного существования в нем, а значит бояться смерти неразумно.

³ Платон. Федон // Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 69.

⁴ Там же. С. 14.

Иное решение проблема смерти получает в учениях орфиков и пифагорейцев, а затем у Платона. По их представлениям, смерть есть отделение бессмертной души от смертного тела. В диалоге «Федон» Платон пишет: «Если бы смерть была концом всему, она была бы счастливой находкой для дурных людей: скончавшись, они разом избавлялись бы и от тела, и — вместе с душой — от собственной порочности»³. После смерти душа человека, заключающая в себе весь земной опыт добродетелей и пороков, предстает перед судом. Посмертная участь человеческих душ различна: заклятые преступники ввергаются в Тартар, откуда им нет возврата, если их жертвы не даруют им прощения; души обычных людей после некоторого пребывания в Аиде переселяются в другие тела; наконец, души мудрецов вечно живут совершенно бестелесно в божественном мире идей. Человек, посвятивший свою жизнь философии, живет душевной жизнью и разумом, а не телесными вожделениями, то есть при жизни он отделяет душу от тела и потому перед смертью полон бодрости и надежды обрести за могилой блаженство. В этой связи становится понятным смысл знаменитого высказывания Сократа: «Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним — умиранием и смертью»⁴. Итак, страх смерти, который оценивается как проявление малодушия и неразумности, с точки зрения античных мыслителей, может быть преодолен при помощи разума, точнее, философских рассуждений.

⁵ Гаспаров М.А. Овидий в изгнании // Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1979. С. 205.

Метафизика смерти. В тех философских школах античности, где разрабатывалось учение о бессмертии души, еще нет представлений о личном бессмертии, о самоутверждении личности в вечности. Очевидно, личность человека, даже в лице выдающихся философов, тогда еще не приобрела должной глубины, не имела достаточную степень автономности

своего существования. Публичная жизнь и родовое начало ставились выше частной жизни и индивидуального начала. Древний грек классического периода, как и римлянин периода республики, ощущал себя личностью только в качестве свободного гражданина полиса, города-государства. Жизнь вне родного города без всякой надежды на возвращение для античного человека — самое страшное испытание. «Изгнание — это смерть, быть выброшенным из общества равносильно физической гибели, изгнанник есть живой мертвец...»⁵

⁶ Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления. М., 1914. С. 33.

Стремление к славе является косвенным подтверждением того, что древний грек и римлянин были еще очень сильно привязаны к общественному целому. Они дорожили своим добрым именем. В это время практически не было анонимных погребений. Римляне украшали могилы скульптурными изображениями покойных, надгробия исписывали эпитафиями, в которых прославлялись дела и таланты почившего. С падением классической полисной системы и образованием огромных мировых империй картина меняется. Единство человека и государства оказывается в корне подорванным. Наступает кризис традиционных ценностей. В условиях, когда человек не очень высоко ценился при жизни, ориентация на достижение бессмертия в славе обесмысливается. «Ничтожна жизнь каждого, — писал Марк Аврелий, ярко отразивший кризисное сознание своей эпохи, — ничтожен тот уголок земли, где он живет, ничтожна и самая долгая слава посмертная: она держится лишь на нескольких кратковременных поколениях людей, не знающих и самих себя, не то что тех, кто уже давно опочил»⁶.

Углубление личности и вера в личное бессмертие затруднялись также тем, что в духовном плане античность была эпохой языческой и политеистической: человек поклонялся природным стихиям и многим богам, а не одному личному Богу, как впоследствии христиане.

⁷ Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцинию. М., 1977. С. 154.

Этика смерти. Главный императив античной философии и морали состоит в том, чтобы выработать презрение к смерти. «Презирай смерть! — проповедовал Сенека. — Кто ушел от страха смерти, тому ничто не печалит душу»⁷.

⁸ Там же. С. 183.

⁹ Штаерман Е.М. Эпиктет и его место в римском стоицизме // Вест. древ. истории. 1976. № 1. С. 249.

Презрение к смерти было тесно связано с представлением о свободном человеке. «Размышляй о смерти! — кто говорит так, тот велит размышлять о свободе. Кто научился смерти, тот разучился быть рабом»⁸. Научиться смерти — это значит путем размышлений выработать у себя такую морально-психологическую установку, чтобы в любой момент быть готовым спокойно и хладнокровно принять свою смерть, без тени страха и отчаяния. Свободный человек ведет себя достойно и в жизни, и перед лицом смерти. «Чтобы жить достойно, — пишет Е.М. Штаерман, — надо побороть страх смерти. Сенеку, как и Тацита, восхищает смерть как уход от представлявшегося возможным компромисса. Тот, кто встретит смерть так достойно, как Сократ, Катон или Цицерон, сделает шаг к бессмертию»⁹. Таков идеал не только Сенеки, стоиков, но и большинства античных мыслителей. Однако условия реализации данного идеала были не всегда одинаковыми. Сократу, например, жившему в классический период, были гарантированы все права обвиняемого на суде, а смертный приговор в отношении него был приведен в исполнение с соблюдением всех формальных юридических норм; достоинство греческого мудреца не ущемлялось ни оскорблениями, ни пытками. А вот племянник Аристотеля — Калисфен, не желая отвешивать Александру Македонскому земного поклона, унижительного с точки зрения благородного грека, тут же

поплатился жизнью без всякого суда и почтительного отношения к его человеческому достоинству.

¹⁰Тацит К. Сочинения: В 2 т. Л., 1969. Т. 1. С. 320.

В императорском Риме в условиях социально-политической нестабильности смерть человека, особенно знатного, приобретает характер «последнего поступка». Мужественное и достойное принятие смерти могло даже искупить в общественном мнении пороки и бесславную жизнь человека. Вот почему уход из жизни (добровольный или по приказу принцепса) часто являл собой картину хорошо отрежиссированного театрального действия. Тацит в своих исторических хрониках на многочисленных примерах демонстрирует римский эталон расставания с жизнью. Известный поэт Петроний, например, перерезав себе вены, то перевязывал раны, то вновь их открывал, беседуя при этом с друзьями и домочадцами. «И от друзей он также не слышал рассуждений о бессмертии души и мнений философов, но они пели ему шуточные песни и читали легкомысленные стихи»¹⁰.

Императив презрения к смерти и стремление любой ценой избавиться от страха смерти, типичные для античной философии и культуры, есть симптом, свидетельствующий о некотором недостатке метафизической глубины в понимании смерти. Античная философия не смогла теоретически и экзистенциально разрешить проблему смерти, поскольку слишком уповала на разум человека, полагала, что человек, прежде всего философ, способен своими силами духовно победить смерть. Наиболее красноречивыми примерами, иллюстрирующими этот тезис, могут служить пессимизм, в который впал к концу жизни Платон, и предполагаемое самоубийство Аристотеля, также разочаровавшегося в жизни.

Буддизм

Индия является родиной многих религиозных и философских учений, запечатленных в таких письменных источниках, как «Веды», «Упанишады», «Махабхарата». Если выделить главные из них, то можно назвать четыре религиозно-философские системы, последовательно возникающие одна за другой: ведизм (2-е тысячелетие до н.э.), брахманизм (1-е тысячелетие до н.э.), буддизм (середина 1-го тысячелетия до н.э.) и индуизм (середина 1-го тысячелетия н.э.).

Судьба буддизма сложилась своеобразно: возникнув на индийской почве, он впоследствии оказался практически вытесненным за пределы Индии и теперь культивируется в странах Южной Азии, Тибете, Китае, Монголии, Японии, некоторых регионах России (Бурятия, Калмыкия) и т.д. Основателем буддизма считается Сидхартха Гаутама (623-544 годы), названный после просветления Буддой Шакья Муни. Потрясенный впервые увиденным зрелищем старика, больного и покойника будущий Будда (в переводе с санскрита — просветленный) оставил дом отца — царя небольшого полиса — и после семилетних скитаний, отшельничества, аскезы и медитаций стал основателем нового вероучения, в котором решающую роль играет идея спасения.

¹¹ Неру Дж. Открытие Индии // Открытие Индии. Философские и эстетические воззрения в Индии XX века. М., 1987. С. 63

Онтология и аксиология смерти. Для буддизма характерен комплекс идей, понятий и представлений, унаследованных им (с элементами модернизации) от прежних индийских религиозно-философских учений, которые трудно перевести на европейские языки и согласовать с представлениями и понятиями западного и русского человека. «Центральной идеей древней индийской цивилизации, или индоарийской культуры, была идея *дхармы*, которая представляла собой нечто большее, нежели религия или вероисповедание. Это было учение об обязанностях, о выполнении человеком долга по отношению к самому себе и к другим. Сама эта дхарма была частью *риты*, основного морального закона направляющего

жизнь вселенной и всего, что содержится в ней. Если такой порядок существовал, то в нем должно было быть место для человека, которому надлежало действовать так, чтобы остаться в гармонии с этим порядком. Если человек выполнял свои обязанности и этически его поступки были правильны, из этого неизбежно должны были возникнуть правильные последствия»¹¹. Особенностью индийской культуры, усвоенной и буддизмом, было то, что онтологические и моральные законы и процессы составляют одно неразрывное целое. Буддизм исходит из посылки о вечности мироздания, точнее несотворенности его и периодическом саморазрушении и самовосстановлении миров. Направленность же развития миров (в сторону гибели или возрождения) целиком определяется качеством *кармы* (закона воздаяния), накопленной всеми живыми существами.

¹²Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 1996. С. 13.

¹³Там же. С. 57-58.

В буддизме понятие дхармы имеет еще одно значение. Этим термином обозначаются мельчайшие неделимые частицы, которые одновременно являются первоэлементами мира и элементами психики. «Сам человек — не что иное, как совокупность пяти наборов дхарм, так называемых *скандх*. Смерть человека означает распадение скандх. При этом существование души, которая унаследовалась бы существом, возникающим в результате очередного перерождения, полностью отрицается»¹². Здесь мы подошли к основной концепции буддизма и близких ему учений Индии: идее перевоплощения, или реинкарнации, с точки зрения которой жизнь представляет собой круговорот рождений и смертей, цепочку развоплощений и перевоплощений некой духовной субстанции, лишь условно могущей быть названной душой. Колесо жизни (сансара) разворачивается в зависимости от качества кармы, совокупности добродетельных и недобродетельных деяний и помыслов данного человека и его предшественников. Хорошая карма дает в новом рождении более достойную жизнь, плохая — может низвести ее до жизни животного. Однако для истинного буддиста конечная цель — это не самое благоприятное перерождение, а прекращение цепи рождений и смертей, выход за пределы сансары и достижение нирваны, которая одновременно есть особое психическое состояние и особая метафизическая сфера, не поддающиеся описанию и вербализации. Что такое нирвана — знает только тот, кто ее достиг, все остальные могут рассуждать, чем она не является. «Понятие нирваны предполагает полное угасание дхарм, полное освобождение от всего, привязывающего к существованию в любом из имеющихся миров, несопоставимость нирванического состояния с любым другим, поддающимся описанию. <...> Это состояние высшего блаженства (где последнее абсолютно лишено, разумеется, каких бы то ни было признаков чувственного)»¹³. Главное в нирване — то, что она означает конец страданию, которое оценивается как главное зло жизни. Печать этой оценки ложится и на саму жизнь, и на смерть как ее неотъемлемую сторону. Вся жизнь, от рождения до смерти, есть страдание, поэтому, чтобы избавиться от страдания, надо избавиться от рождения и смерти, то есть от жизни. Будда, провозгласивший четыре благородные истины (существует страдание, существует причина страдания, существует прекращение страдания, существует Благородный Восьмеричный Путь к прекращению страдания), выступает спасителем человека именно от страдания, указывая ему путь к такого рода спасению.

¹⁴Там же. С. 38.

Метафизика и этика смерти. Главная причина страданий и главное препятствие к достижению нирваны — привязанность к жизни. В буддизме выделяется десять привязанностей: 1) заблуждение относительно реальности собственного Я, человеческой самости или Атмана; 2) сомнение в истинности вероучения; 3) вера в обряды и их действенность; 4) стремление к чувственным удовольствиям; 5) склонность к ненависти и злобе; 6) любовь к земной жизни; 7) стремление к небесной жизни; 8) гордыня; 9) склонность оправдывать свои поступки; 10) невежество.

Для достижения нирваны Будда предполагает Благородный Восьмеричный Путь, который включает: 1) праведное воззрение; 2) праведное устремление; 3) праведная речь; 4) праведное поведение; 5) праведный образ жизни; 6) праведное усердие; 7) праведная память; 8) праведное самоуглубление. С точки зрения В.Б. Касевича, «пункты 3-5 выражают нормы должной нравственности, 6-8 — правильной медитации, а 1-2 — характеризуют праведную мудрость»¹⁴. Таким образом, обретение спасения, с буддийской точки зрения, предполагает наличие у адепта этого учения не только высокой нравственности и стремление к самосовершенствованию, но и развитых способностей психофизического контроля над собой и приобретенного дара постижения сверхчувственной истины.

Путь к нирване возможен только при радикальном улучшении кармы. Последнее может быть не только при жизни человека, но и в момент смерти, а также в течение нескольких дней после нее. Об этом свидетельствует один из наиболее интересных памятников буддийской литературы, посвященной теме смерти, — «Тибетская книга мертвых», она написана в VIII веке как руководство для правильного поведения человека в процессе умирания и смерти. В «Тибетской книге мертвых» описывается Бардо — область пребывания «души» между смертью и новым рождением. Бардо делится на три части, или стадии: «Чигаи Бардо», «Ченид Бардо», «Сидпа Бардо». В первой части Бардо человек оказывается в момент смерти, именно тогда он достигает просветления и имеет наилучшие шансы для освобождения от нового рождения. Во второй части Бардо появляются добрые и злые демоны, напоминающие человеку его благие дела и прегрешения, теперь возможность освобождения ограничивается, но не исчезает полностью: все зависит от того, как поведет «душа» умершего, от ее выбора истинного пути спасения. Если на первых двух стадиях не произошло освобождения, то «душа» умершего попадает в область «Сидпа Бардо», где освобождение невозможно, но есть возможность выбора более приемлемого материнского чрева, а значит и более достойного рождения. «Тибетская книга мертвых» читается у постели умирающего и в течение 49 дней после смерти человека.

Буддизм не представляет собой целостную систему. В действительности он раскололся на несколько направлений, среди которых наиболее значительными являются хинаяна и махаяна. В каждом из этих направлений, а также более мелких течений и буддийских сект имеются свои нюансы в трактовке вопросов, связанных с проблемой жизни и смерти.

Даосизм

Истоки даосизма — одного из ведущих религиозно-философских учений Китая — восходят к легендарному мыслителю Лао-цзы (VI-V века до н.э.), автору трактата «Дао дэ цзин». Как развитая религиозная система даосизм складывается к началу нашей эры. В VII-VIII веках в даосизме возникает монашество; открываются первые монастыри, где разрабатываются методы медитации и приемы внутреннего самосовершенствования.

¹⁵Торчинов Е.А. Даосизм и традиционные китайские системы психофизической тренировки // Лу Куань Юй. Даосская йога, алхимия и бессмертие. СПб., 1993. С. 28.

Онтология смерти. В отличие от европейской традиции в древнем Китае не было деления человека на тело и индивидуальную душу. У каждого человека имеется десять душ: три *хунь* и семь *по*, которые пребывают в его теле. Со смертью тело гибнет, а связи душ распадаются. Души *хунь*, ответственные за сознание человека, отправляются на небо, растворяясь в небесной пневме, а души *по*, обуславливающие его жизнедеятельность, превращаются в демонов и затем погибают. «Отсутствие в Китае веры в единую душу и ее бессмертие обусловило возникновение даосской доктрины физического бессмертия»¹⁵.

Аксиология смерти. Отсюда следует не только негативная оценка смерти, но и почтительное отношение к телу как вместительнице душ. Тело в даосской традиции трактуется как микрокосм, населенный 36 тыс. духов. Даосы считали: пока духи остаются в теле, человек продолжает

жить. Но чтобы духи не покинули тело, его необходимо питать и умиловать духом, ведя праведную жизнь и совершая добрые поступки. Кроме духов в теле человека живут так называемые «три червя», или «три трупа»: один в голове, другой в груди, третий в нижней части тела. Они стремятся сократить жизнь человека, чтобы с его смертью выйти за пределы тела, став призраками. Подготовка к бессмертию начинается с избавления от этих «червей», для чего в даосизме разработан комплекс предписаний. Хотя даосский путь обретения бессмертия не сводится к нравственному совершенствованию, тем не менее последний играет немаловажную роль, ибо невоздержанность и потакание страстям, согласно даосской традиции, есть зло, препятствующее продвижению к желанной цели.

Метафизика и этика смерти. Для даосизма характерна вера в физическое бессмертие через единение человека с Дао — онтологической первоосновой бытия и закономерностью всего сущего. Бессмертия может достигнуть тот, кто, поставив перед собой эту задачу, использует множество разнообразных приемов, каковыми являются сложная техника дыхания, двигательная гимнастика, правила сексуальной гигиены, дающие гармонию мужского (*янь*) и женского (*инь*) начал в человеке, внешняя и внутренняя алхимия, ритуалы богослужения. Огромную роль здесь играет учитель-наставник, даосский гуру, без которого невозможно достижение бессмертия. Вся совокупность названных приемов, требующая огромной концентрации воли и подавления страстей, позволяет, с даосской точки зрения, последовательному адепту этого учения выработать в себе «бессмертный зародыш» (*сянь тай*). Правда, качество этих «зародышей», несущих в себе основу вечной жизни, может быть разным, что и обуславливает градацию бессмертных на три ранга: 1) «небесные бессмертные» (*тянь сянь*), вознесшиеся на небо в качестве богоподобных существ; 2) «земные бессмертные» (*ди сянь*), живущие в особых местах на земле; 3) «бессмертные, освободившиеся от трупа» (*ши цзе сянь*), те, кто не сумели стать бессмертными при жизни, но воскресли после смерти.

В обычной человеческой жизни учение о бессмертии предстает как культ здоровья и долголетия. Последний неотделим от житейской мудрости, построенной на принципе недеяния (*у вэй*), который запрещает грубое вмешательство в природные и социальные процессы.

Христианство

Уникальность христианства, отметившего свой 2000-летний юбилей, заключается в том, что его основателем признается не человек, а Сын Божий, воплотившийся в человека, который рожден Девой Марией от Духа Святого, жил среди людей, проповедовал им свое учение, казнен на кресте и воскрес в третий день после распятия. Смерть и бессмертие — одна из центральных тем христианского вероучения, изложенная в разных Книгах Ветхого и Нового Завета, а также в трудах отцов Церкви, христианских богословов и философов.

Онтология смерти. Согласно библейским представлениям, Бог создал первых людей, Адама и Еву, по образу и подобию Своему (Быт. 1, 26, 27), то есть бессмертными существами. Смерть явилась в мир как наказание за грех, совершенный прародителями человечества. Грех заключался в нарушении первыми людьми Божьего запрета есть плоды с дерева познания добра и зла. Суть же грехопадения состоит в том, что наделенные свободой Адам и Ева, поддавшись искушению, проявили своеволие и преступный интерес к запретному плоду. Смысл мифа о грехопадении, видимо, следует усматривать в том, что человек не может и не должен знать то, что знает Бог. Адаму и Еве надо было знать и почитать Бога (Абсолютное Благо) и благодаря этому пребывать в райском блаженстве. Когда же, стремясь стать «как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3, 5), первые люди нарушили запрет, они увидели как бы изнаночную сторону мира, себя и друг друга, то есть узнали зло. Ум их помрачился, они отторгли себя от Бога и, возможно, стали враждебными ему: «И сказал Господь Бог: вот Адам стал как один из нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял

также от дерева жизни и не вкусил, и не стал жить вечно» (Быт. 3, 22). Наказание за грех оказалось суровым. Во-первых, Адам и Ева онтологически изменились: утратив духовную телесность (Эдемское тело), они обрели плотность и дебелисть физического тела. Во-вторых, они стали тленными существами, подверженными порче, болезням, старению и, наконец, посмертному разложению. В-третьих, они стали смертными -- временно живущими на земле. В-четвертых, они обрекли себя на тяжкие труды на земле и рождение детей, наследующих их участь. В-пятых, грехопадение Адама и Евы отразилось на всей природе («проклята земля за тебя»), которая также стала подчиняться законам смерти и тления. Апостол Павел так подытоживает христианское понимание смерти: «Жало же смерти — грех, а сила греха — закон» (1 Кор. 15, 56). Итак, смерть, вошедши с грехом в мир, стала законом бытия, действие которого человек не может устранить своими собственными усилиями. Смерть и грех искупаются и преодолеваются Божественным вмешательством, посланием в мир Спасителя — Иисуса Христа.

Аксиология смерти. В христианстве оценка смерти и отношение к ней неоднозначны. Онтологически смерть, конечно, — зло, но это зло вторичное, ибо главное зло — грех, приведший к падению человека, утрате им изначального бессмертия.

В XIII книге «О граде Божием» Августина Блаженного даются необычайно тонкие и логически безупречные рассуждения относительно того, какой смертью Бог угрожал Адаму и Еве и какой наказал их и их потомство. С точки зрения Августина, необходимо различать смерть первую и вторую. Первая смерть человека бывает, когда душа, оставленная Богом, терпит без тела временные наказания. Вторая же бывает, когда душа, оставленная Богом, вместе с телом (после Страшного Суда) терпит вечное наказание. И напротив, учит апостол: «Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет» (Отк. 20, 6). Господь, запрещая Адаму и Еве есть с дерева познания добра и зла, угрожал им в случае нарушения запрета обеими смертями, которые есть зло. Однако Его действительное наказание оказалось мягче: прародители рода человеческого были наказаны реально первой смертью и лишь потенциально второй. Что касается того, какой смертью может умереть человек и как оценивать его смерть, то, говорит Августин, это зависит от того, как он жил.

Первая смерть в свою очередь состоит из смерти тела и смерти души. Телесная смерть, когда происходит разлучение души с телом, ни для кого не бывает доброю. Даже если умирание происходит быстро и безболезненно — смерть есть наказание. Однако, если человек претерпевает смерть с благочестием и ради добра, то его душа, отделившись от тела, пребывает в покое и не терпит наказания; тогда телесная смерть есть благо, поскольку она пресекает возможность прегрешений. Смерть же души, отделенной от тела, наступает, когда она, оставленная Богом, претерпевает муки за грехи жизни — это участь грешников; такая смерть, безусловно, есть зло. Но наихудшее зло — вторая смерть, которой подвергаются непрощенные грешники после Страшного Суда. Августин задается также вопросом: почему праведники, чьи души попадают в рай, не обретают сразу же и бессмертного тела, то есть не воскресают тотчас по смерти? Для чего, собственно, нужен этот разрыв во времени между смертью конкретного человека и Страшным Судом — судом всех, посмертным бестелесным существованием душ и всеобщим воскресением? Такой порядок, отвечает сам же Августин, необходим для того, чтобы не ослабела вера, неотделимая от надежды, ожидания того, чего еще не видят в действительности. Без такого порядка не только не испытывалась бы вера посредством невидимой награды, но и не было бы самой веры, если бы получали награду за свои дела тотчас после того, как начали ее искать.

Таким образом, в силу неопределенности посмертной судьбы каждого человека, даже праведника, смерть воспринимается в христианстве как недоступная разуму тайна, сопряженная с переживаниями страха и надежды. Христианство преодолевает языческий рационализм в оценке смерти и целиком полагается на иррациональную веру в спасение.

Из общей оценки смерти вытекают частные оценочные суждения.

Несмотря на то, что смерть в христианском понимании есть отделение души от тела, последнее, в отличие от античной и индуистско-буддийской традиции, не считается чем-то внешним и несущественным в жизни, смерти и посмертном бытии человека. Во-первых, это обусловлено тем, что до грехопадения тело было также бессмертно, как и душа. Более того, грех поразил сначала душу человека, а только потом от него пострадало тело. Во-вторых, христианство зиждется не на пренебрежении телом, а на его преображении. В этом заключается суть христианской аскетики. О прославлении и осиянности тела Святым Духом свидетельствуют, по христианскому вероучению, нетленность, мироточение и чудотворность святых Божьих Угодников. В-третьих, главная идея христианства — воскресение, означающее грядущее восстановление целостного человека как духовно-душевно-телесного существа.

Позитивное отношение к телу предопределило осудительное отношение в христианстве к членовредительству и особенно к самоубийству. Последнее до сих пор считается тягчайшим грехом и преступлением еще и потому, что исключает возможность предсмертного покаяния. Смерть без покаяния и соборования (еleosвящения) считается крайне нежелательной, ибо отягощает посмертную судьбу человека. Вот почему в средние века боялись не столько смерти как таковой, сколько внезапной смерти. Покаяние, то есть признание человеком своей греховности и нечистоты, учит Церковь, обладает чудодейственной силой. Покаянием искупаются даже тяжкие грехи. Так Христос успокаивает распятого с ним разбойника, усевестившегося своих преступлений: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23, 43).

В христианстве нет однозначного отношения к страху смерти, которому придается более духовный, нежели моральный смысл. Это связано с дифференциацией самого понятия смерти, которая делится на телесную, душевную и общую погибель человека после Страшного Суда. Перспектива и возможность смерти души и погибели в геенне вызывают в сердце христианина чувство метафизического страха, который оценивается высоко. Такой страх коррелятивен со страхом Божиим, составляя два низших уровня этого религиозного переживания: во-первых, опасение наказания от Бога; во-вторых, трепет перед Его величием и всемогуществом. Переживание такого рода страха есть симптом греховности жизни и одновременно знак, подаваемый высшими силами, к ее очищению и преображению: «начало мудрости — страх Господень...» (Притч. 1, 7).

¹⁶ Преподобного Иоанна Лествица. Сергиев Посад, 1908. С. 71.

В страхе телесной смерти переплетается много разнообразных мотивов и переживаний, что обуславливает вариативный характер оценок. «Боязнь смерти есть свойство человеческого естества, происшедшее от преслушания»¹⁶, — провозглашает преп. Иоанн Лествичник, очевидно, имея в виду то, что каждый человек, неся на себе печать онтологической падшести Адама, не может не пугаться радикальной перемены, которую предвещает ему смерть. Даже Иисус Христос, воплотившийся Бог, боится телесной смерти, ибо помимо всего прочего она сопряжена со страданием и болью: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26, 39). Однако в страхе телесной смерти может обнаруживаться и чрезмерная тяга человека к земной жизни с ее страстями, греховными делами и помыслами. В таком случае страх является и греховным, и неразумным, ибо затворяет возможность актуализации более глубокого и конструктивного страха — страха гибели души. «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10, 28).

Метафизика смерти. Христианское учение о бессмертии включает в себя сотериологический и эсхатологический аспект. Главное действующее лицо христианской сотериологии и эсхатологии — Иисус Христос, Спаситель человечества и мира.

Христианство зиждется на вере в Богочеловечность Христа — двойственность его природы: божественную и человеческую. Бог как дух не просто воплотился в человека (материализовался), чтобы проповедовать свое учение, а именно вочеловечился — обрел всю полноту человеческого бытия с его душевными скорбями, телесными страданиями и смертью. Человечность Христа, понимаемая как Его реальная земная жизнь и праведность, является не только догматом религиозного сознания, но и фактом исторической науки. Учительство Христа также достоверно: об этом свидетельствуют Евангелия. Божественность Христа есть предмет веры христианина, подкрепленной прямыми свидетельствами очевидцев, доказательствами косвенного порядка и богословскими рассуждениями. И здесь, безусловно, главный вопрос — действительно ли воскрес Христос, убитый на кресте? Если это так, то произошло сверхъестественное событие, непосильное для человека, но посильное для Бога. На вере в воскресение Христа держится все христианство: «А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и наша вера» (1 Кор. 15, 14). Отсутствие или недостаток веры в воскресение Христа, учит апостол Павел, есть признак греховности человека (1 Кор. 15, 17). Очень важно, что именно апостол Павел свидетельствует о воскресении Христа, ибо он, до обращения в христианство звавшийся Савлом, был яростным противником Христа и гонителем христиан: «Ибо я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию» (1 Кор. 15, 9). В «Деяниях святых Апостолов» (гл. 9, с. 1-22) воспроизводится сцена мистического откровения Савлу Иисуса Христа, случившаяся с ним по дороге в Дамаск. После этого Павел не только стал верующим христианином, но и получил дар апостольского служения — воспринял божественную истину во всей полноте и проповедовал ее повсюду. Смысл воскресения заключается в том, что Христос как человек, умер, но воскрес, потому что в нем был Бог. Но поскольку Христос был послан в мир как Искупитель греха Адама и Спаситель всех людей, то и всякий верующий в Него, имеющий Его в своем сердце хоть и умрет телесно, но душа его будет жить вечно, а после Страшного Суда он воскреснет, то есть душа его соединится с преображенным телом.

Именно идея воскресения составила оригинальность и новизну христианского учения, в значительной степени способствовала его широкому распространению и популярности в прошлом и настоящем. Воскресение, собственно, есть не что иное, как воссозданная жизнь умершего человека, заново обретшего свою телесность в несколько измененном виде. Согласно Евангельским представлениям, мертвые восстанут из гробов не в своем физическом теле, а в преображенном духовном теле, почти повторяющем очертания физического, в цветущем возрасте и без половых различий: «Ибо в воскресении не женятся, не выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах» (Мф. 22, 30). У апостола Павла находим откровения о воскресении: «Есть тела небесные и тела земные: но иная слава небесных, иная земных; иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд: и звезда от звезды разнится в славе. Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничтожении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело духовное. Так и написано: «первый человек Адам стал душою живущей», а последний Адам есть дух животворящий. Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное. Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба. Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные; и как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного. Но то скажу вам, братья, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления. Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубят, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся; ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему — облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное же облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: «поглочена смерть победою»» (1 Кор. 15, 40-54).

¹⁷Тертуллиан. Избранные сочинения. М., 1994. С. 195.

¹⁸Там же. С. 239.

¹⁹Там же. С. 197.

На заре христианства, когда отцам церкви приходилось бороться с языческими представлениями и с ересями внутри самого христианства, проблема телесного воскресения неоднократно поднималась ими, чтобы различными богословскими доводами укрепить веру в вечную жизнь со Христом. В частности, Тертуллиан в своем трактате «О воскресении плоти» приводит несколько аргументов в пользу телесного воскресения. Они, во-первых, сводятся к тому, чтобы показать тесную связь души с телом, где последнему отводится очень важная роль. «Плоть омывается водами крещения, дабы душа очистилась. Плоть помазывается, дабы душа освятилась. Плоть осеняется крестным знаменем, дабы душа восприняла силы. Плоть удостоивается возложения рук, дабы Дух просветил душу. Плоть питается телом и кровью Христовою, дабы душа насытилась сущностью своего Бога. Стало быть душа и плоть не могут разлучены быть и при награде участвуя в трудах совокупно»¹⁷. Во-вторых, Тертуллиан утверждает, что плоть была сотворена Богом прежде души и для души, а также для восприятия духа. «Если Адам — первый человек, а плоть представляла собою человека до наделения душой, то, несомненно, плоть и обрела душу. Но при этом она все же осталась телом, а потому стала телом душевным. Чем они могли бы называть плоть, если не тем, чем она стала благодаря душе, чем не была без души и чем не будет после ее исхода, пока не воскреснет? Вновь обретя душу, она вновь станет душевным телом, чтобы стать духовным. Ибо воскресает лишь то, что существовало. <...> Значит, как простая прежде плоть, принимая душу, становится душевным телом, так после, облекаясь духом, становится духовной. Устанавливая этот порядок, апостол (Павел. — В.С.) показывает его в Адаме и во Христе, как в примерах различия. И когда он называет Христа последним Адамом, ты можешь понять из этого выражения, что он стремится утвердить воскресение плоти, а не души. Ведь если и первый человек, Адам, был плотью, а не душой, но потом стал душой живою, то и последний Адам, Христос, назван Адамом потому лишь, что Он человек, а человек потому, что обладал плотью, но не потому, что имел душу. Соответственно он добавляет: *Не духовное прежде, но душевное, а потом духовное* (1 Кор. 15, 46), — как свидетельствуют оба Адама»¹⁸. В-третьих, говорится о том, что воскресение плоти — это посильная задача для всемогущего Бога. «В самом деле, если Бог все создал из ничего, Он может и плоть, обратившуюся в ничто, опять создать из ничего. <...> Во всяком случае тот, кто создал, способен и воссоздать, ибо гораздо труднее создать, чем воссоздать, труднее начать, чем продолжить. Так и воскресение плоти ты должен считать делом более легким, чем ее создание»¹⁹.

Учение о воскресении наиболее полно и глубоко выражает идею личного бессмертия, ибо человек осознает свое личностное Я только в контексте своей телесности, в которой протекает вся его душевная и духовная жизнь. Благодаря телу человек имеет индивидуальную биографию, неповторимый набор многообразных отношений с другими людьми, обществом, природой и Богом. Учение о воскресении означает самоутверждение личности в вечности, продление до бесконечности бытия уникального человеческого индивидуума. Оно способно удовлетворить самые глубокие духовные запросы и само способствует развитию глубокой и целостной личности.

Христианское учение о бессмертии чрезвычайно сложно, ибо вобрало в себя множество различных представлений и идей, не все из них мы можем проанализировать в данной работе. Укажем только на ряд тем, которые требуют специального рассмотрения и в совокупности создают полную картину христианского учения о бессмертии: посмертная судьба души, мытарства души, структура рая и ада, откровения небесной сферы святым подвижникам веры, конфессиональные различия в трактовке бессмертия и т.д.

Этика смерти. Основные добродетели христианства, сквозь призму которых

рассматривается и проблема смерти, — суть вера, надежда, любовь, из которых последняя является основополагающей. Неслучайно, отвечая на вопрос фарисея о главной заповеди для человека, Иисус сказал ему: «...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим». Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя». На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22; 37-40). Спрашивается, какая выгода человеку от любви, предлагающей самоотверженность и служение Богу и людям? Она становится очевидной именно в контексте проблемы смерти. Любящий ближнего, то есть не эгоист, не воспринимает свою личную смерть как вселенскую катастрофу, а любящий Бога не упадет духом, не отчаится и не потеряет надежды ни перед лицом своей собственной кончины, ни перед суровостью утрат. Он никогда не одинок, ибо с Богом, а Бог и есть любовь, которая вечна: «Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13, 8).

²⁰ Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. М., 1991. С. 152.

Парадоксально, но факт — любовь, достигшая своей полноты, тождественна смерти, которая есть отрада праведника. Средневековый немецкий мистик М. Экхарт, тонко уловивший эту диалектику, писал: «...ничто не может умертвить себялюбия и корысти, которые суть жизнь и природа человека, кроме любви сильной, как смерть, иначе никак не могут быть умерщвлены эти свойства. Потому и терпят такую муку те, что в аду. Ибо они алчут только своего, алчут, как бы освободиться им от муки! И никогда не может им быть дано это. Потому и умирают они вечною смертью, что жажда своекорыстия не умерла в них и никогда умереть не может. И никто в мире не может им помочь, кроме одной любви, которой они совсем непричастны. Таким образом, любовь не только сильна, как телесная смерть, она гораздо сильнее адской смерти, которая не может помочь осужденным, как та любовная смерть, что одна действительно убивает жизнь желания и своекорыстия»²⁰. Христос выразил эту мысль проще и короче: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною; ибо кто хочет душу (жизнь) свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот приобретет ее» (Мф. 16; 24-25).

²¹ Преподобного Иоанна Лествица. С. 75

Способом актуализации божественной духовной любви в человеке служит память о смерти или смертная память, весьма почитаемая отцами Церкви. Необходимость памяти смертной диктуется тем, что человеку не дано знать часа своего смерти. Она может наступить в любой момент, настичь каждого невзирая на возраст и социальное положение. Вот почему человек должен постоянно пребывать в покаянном состоянии, сознавать свое несовершенство и молить Бога о даровании благодати спасения. Чем праведнее человек, тем более развита в нем память смертная и, наоборот, тот, кто помнит о смерти, у того больше духовных и моральных ресурсов для самосовершенствования. «Невозможное, невозможное для человеков дело, — писал преп. Иоанн Лествичник, — чтобы настоящий день провели мы благочестиво, если не думаем, что это последний день нашей жизни»²¹.

²² Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Слово о смерти. М., 1991. С. 181.

²³ Там же. С. 183.

Очень высоко ставил память смертную святитель Игнатий Брянчанинов. Он поучал: не надо отвергать состояние страха, тоски и безнадежности, которое охватывает человека, впервые помышляющего о смерти; своеобразная сердечная болезнь со временем преложится в радость. «Воспоминание о смерти, о сопровождающих ее и о последующих ей страхах, воспоминание, сопряженное с усердною молитвою и плачем о себе, может заменить все подвиги, объять всю жизнь человека, доставить ему чистоту сердца, привлечь к нему благодать Святого Духа, и тем даровать ему свободное вознесение на небо мимо воздушных властей (благополучно миновать посмертные мытарства души. — В.С.)»²². Чтобы

пробуждать память смертную, советовал святитель, необходимо посещать кладбища, больных людей, присутствовать при кончине и погребении ближних. Память смертная не только способствует праведной жизни и дарует спасение, но также есть путь познания Бога, самого себя и устроения своей вечной участи. «Изгнанники рая! не для увеселений, не для торжества, не для играний мы находимся на земле, но для того, чтобы верою, покаянием и крестом убить убившую нас смерть и возвратить себе утерянный рай»²³.

24. Литургия божественной евхаристии // Богословские труды. М., 1980. Т. 21. С. 149.

Помимо духовных и моральных наставлений, определяющих христианское отношение к смерти, огромное значение имеют таинства Церкви и вся культовая сторона религиозной жизни. Крещение, миропомазание, исповедь и, особенно, евхаристия, согласно христианскому учению, подготавливают человека как к земной, так и к загробной жизни. В католичестве и православии евхаристия означает повторение священнослужителем жертвы Христа ради спасения человека. «Всякий раз, когда верующий присутствует на Трапезе Жизни, смерть побеждается для него. Таинство становится врачевством бессмертия... противодействием смерти, дабы всегда была жизнь в Иисусе Христе»²⁴.

Ислам

Ислам — мировая религия, возникшая в Аравии в начале VII века. Основателем ислама является Мухаммад (примерно 570—632 годы), считающийся величайшим пророком (наби) и посланником (расуль) Аллаха. Основное содержание вероучения ислама изложено в Коране (по арабски «аль-куръан»), священной книге мусульман, которая, по преданию, была передана Аллахом в виде откровения пророку Мухаммаду. Коран свидетельствует о тесной связи ислама с христианством. Ключевые персонажи Ветхого и Нового Завета: Адам, Ибрагим (Авраам), Нух (Ной), Муса (Моисей), Иса (Иисус), считаются великими пророками и посланниками Аллаха, уступающими по своему значению только Мухаммаду. Поскольку обе великие религиозные системы возникли в одном регионе, на Ближнем Востоке, между ними существует и идейная перекличка. В частности, вера в конец света, воскресение мертвых и Страшный Суд, как и в христианстве, составляют основные догматы ислама. Вместе с тем в нем содержится и ряд новых идей и представлений, свидетельствующих об особом подходе в постановке и решении вопроса о смерти и бессмертии.

Онтология смерти. Смерть вошла в мир с грехопадением первых людей, сотворенных Аллахом из глины. «Он сказал: "Низвергните из него (рая — В.С.) вместе, врагами друг другу! А если придет к вам от Меня руководство (Коран. — В.С.) — то, кто последует за Моим руководством, тот не собьется и не будет несчастным! А кто отвернется от воспоминания обо Мне, у того, поистине, будет тесная жизнь! И в день воскресения соберем Мы его слепым". <...> Так Мы воздаем тем, кто вышел за предел и не уверовал в знамения своего Господа, а, конечно, наказание будущей жизни сильнее и длительнее!» (Коран. 20: 121—124, 127).

Доктрина предопределения и этико-правовой характер мусульманского учения составляет его отличительную особенность. Идея предопределения означает, что все события мировой истории и человеческой жизни в прошлом, настоящем и будущем есть прямое действие воли Всевышнего. Она настраивает мусульманина на покорное принятие своей судьбы, смерти и посмертного существования. Ни вера, ни праведная жизнь, ни молитвы не могут отменить неизбежность смертного часа. Поэтому от человека требуется неукоснительное соблюдение заповеданных Аллахом законов и правил поведения.

Религия ислама основана на вере во всемогущество Аллаха и неизбежность наступления Судного дня. Все по силам Аллаху: вывести солнце с Запада, умертвить и воскресить любого человека. «Или как тот, кто проходил мимо селения, и оно было разрушено до оснований. Он сказал: "Как оживит это Аллах, после того как оно умерло?" И умертвил его Аллах на сто лет,

потом воскресил. Он сказал: "Сколько ты пробыл?" Тот сказал: "Пробыл я день или часть дня". Он сказал: "Нет, ты пробыл сто лет! И посмотри на твою пищу и питье, оно не испортилось. И посмотри на своего осла — для того, чтобы нам сделать тебя знаменем для людей, — посмотри на кости (осла — В.С.), как Мы их поднимаем, а потом одеваем мясом". И когда стало ему ясно, он сказал: "Я знаю, что Аллах мощен над всякой вещью"» (Коран. 2: 261).

Тема смерти в исламе рассматривается в широкой эсхатологической перспективе, с позиции последнего дня, что дает основание считать Коран неким аналогом Апокалипсиса.

Аксиология смерти. Главная добродетель в исламе — это вера, а главный порок — неверие. Отсюда вытекает весь перечень оценок, связанных со смертью и бессмертием. Смерть неверного, под которым понимается всякий неверующий, ужасна, ибо его ждет пожирающий огонь геенны: «Поистине, те, которые не уверовали и умерли, будучи неверными, — не будет принята ни от кого из них даже земля, полная золотом, даже если бы он захотел выкупить себя этим. Для них — мучительное наказание и нет им помощников» (Коран. 3: 85). Столь же суровая участь ждет нераскаявшихся грешников, особенно тех, кто был подвержен тяжкому греху ростовщичества: «Те, которые пожирают рост, восстанут только такими же, как восстанет тот, кого повергает сатана своим прикосновением. Это — за то, что они говорили: "Ведь торговля — то же, что рост"» (Коран. 2: 275). Праведная жизнь и достойная смерть определяются не внешним благочестием мусульманина, а искренностью и глубиной его веры. В то же время кающийся грешник может надеяться на прощение и спасение, поскольку всезнающий и всемогущий Аллах милостив и милосерден.

Таким образом, в исламе оценка носит тотальный характер, ибо она охватывает жизнь, смерть и посмертное бытие человека. Какова жизнь, такова смерть и таково бессмертие. Качество (нравственное содержание) жизни человека определяет оценку его смерти. Сама же земная жизнь оценивается ниже, чем та, которая наступит после Судного дня, потому что в ней слишком много соблазнов и обольщений. «Пользование здешней жизнью — недолго, а последняя жизнь — лучше для того, кто боялся, и не будете вы обижены ни на финиковую плеву» (Коран. 4: 79).

²⁵ Фильштинский И.М. Представления о «потустороннем мире» в арабской мифологии и литературе // Восток-Запад. Исследования, переводы, публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 56

Метафизика и нормативная этика смерти. В Коране и другой мусульманской литературе очень много красочных описаний рая и ада. «Мухаммад провозглашал в Коране не отвлеченное бессмертие души, но воскресение после смерти целостного человека во всем его земном, физическом облике. Соответственно ислам и будущую (после воскресения) жизнь представлял как радостную полноту бытия не только и не столько духовного, сколько физического и телесного. Вера и праведность стимулируются в Коране яркими описаниями грядущих наград, изображаемых в виде чувственных наслаждений, что придает всему исламскому учению черты утилитаризма»²⁵

²⁶ Там же. С. 58

Неоднократно в Коране повторяется картина райского блаженства, вожденная для жителя аравийской пустыни: «А тех, которые уверовали и творили благое, Мы введем в сады, где внизу текут реки, вечно пребывающими там. Для них там — чистые супруги. И введем Мы их в тень тенистую» (Коран. 4: 60). Столь же реалистичны и впечатляющи картины ада, изображенные в Коране и других литературных источниках ислама. Существует легенда о чудесном вознесении пророка Мухаммада на небо и посещении им рая и ада. Вот как, например, описывал Мухаммад один из видов адских мук: «Потом я взглянул и увидел людей с животами, словно горы, в которых кишели змеи и скорпионы, когда кто-либо из них пытался встать на ноги, он падал ничком из-за великого своего живота. Я спросил: "Кто это?" Он (ангел — В.С.) ответил: "Те, кто давал деньги в рост"» ²⁶.

Как и в христианстве, в исламе посмертное существование делится на два этапа: до Судного дня и после него. Так что человек после своей смерти переживает как бы двойное воздаяние в виде награды или наказания. До Судного дня души праведников пребывают на небесах, а неверных и грешников — в яме ада. Согласно кораническим представлениям, существует еще одна посмертная обитель, именуемая преградами (араф), своего рода мусульманское чистилище, которое находится между раем и адом и в котором пребывают души людей не праведных, но и не настолько грешных, чтобы мучаться в аду. В Судный день, который целиком находится во власти Аллаха, мертвые восстанут из своих могил и все люди поделятся на тех, у кого посветлеют лица, и на тех, у кого почернеют лица. Первые — праведники — окажутся в раю, а вторые — неверные и грешники — в геенне. Одним из признаков наступления последнего дня является, согласно вероучению ислама, утрата людьми способности к волевым актам и поступкам, меняющим качество душевной жизни: «...в тот день, когда душа ничего не сможет для души, и вся власть в тот день — Аллаху» (Коран. 82: 19).

Моральные императивы ислама просты и понятны каждому верующему, от которого требуется вера (и верность), замешанная на страхе божьем: «О вы, которые уверовали! Бойтесь Аллаха должным страхом к Нему и не умирайте иначе, как будучи мусульманами» (Коран. 3: 97). Чтобы быть истинным мусульманином и в конечном счете обрести блаженство в раю, необходимо строго соблюдать следующие основополагающие религиозно-этические заповеди:

1. признавать формулу: «Нет бога, кроме Аллаха, а Мухаммад — его посланник»;
2. совершать ежедневно пятикратную молитву (намаз);
3. соблюдать пост в месяц рамадан (ураза);
4. совершить хотя бы раз в жизни паломничество в Мекку (хадж);
5. делать пожертвования бедным (закят).

Врата рая открываются не только праведникам, но и тем мусульманам, кто погибает за веру (джихад).

²⁷Игнатенко А.А. В поисках счастья. М., 1988. С. 198

Как и во всяком религиозном учении, в исламе есть свои течения (суннизм и шиизм) и ереси, отклоняющиеся от ортодоксальных канонов. Среди них нельзя не отметить суфизм — мистическое направление, ориентированное не на формальное соблюдение религиозных предписаний, а на внутреннее совершенствование и слияние с Аллахом. «Считалось, что единение с богом можно достичь в результате испуленного и частого повторения некоторых культовых действий, например, произносимой вслух молитвы или чтения отрывков из Корана. Для того чтобы войти в экстатическое состояние, применялся и так называемый зикр, то есть повторение в течение длительного времени имен (названий атрибутов) бога. Некоторые суфии истощали себя плясками, а то и просто кружились, пока не падали в изнеможении, утратив сознание, потеряв свое "Я"»²⁷

Русская религиозная философия

Русская религиозная философия конца XIX — первой половины XX века есть один из вариантов постклассической европейской философии и оригинальная мыслительная традиция, сложившаяся благодаря творческим усилиям Вл. Соловьева, братьев Трубецких, Н. Федорова, В. Розанова, Н. Бердяева, С. Булгакова, Н. Лосского, Л. Карсавина, И. Ильина, П. Флоровского, С. Франка и других мыслителей. Это результат свободного творчества мыслителей, соединивших в себе европейскую ученость с христианской православной духовностью и ценностями русской культуры. Свобода русского философствования амбивалентна. С одной стороны, она есть следствие непринудительного приятия христианских истин, а с другой — включает в себе некоторый элемент вольности в их

толковании. В русской философии противоречивым образом переплелись гениальные прозрения с ложными откровениями, глубокая и тонкая рационализация христианских истин с искусственными теоретическими построениями. В духовном плане она балансирует между христианским канонem и ересью. История русской религиозной философии, равно как и жизнь ее творцов, сложилась драматично и даже трагично. Возникнув в преддверии социальных катастроф в России и мире, русская философия была одновременно и пророческим предупреждением о них, и невольной виновницей их реализации. Противоречивость, драматизм и трагизм русской философской мысли можно адекватно понять, если рассматривать их под углом зрения поиска мыслителями путей спасения человека и человечества, утрачивающих живую связь с благой вестью о Христе — Спасителе.

²⁸Перевезенцев С.В. Мудрость бо велика есть... (Русская философия как явление национальной культуры) // Бежин луг. 1995. № 6. С.123

Онтология смерти. Отличительной особенностью русского философствования является вопрошание о смысле: смысле бытия, истории и человеческой жизни. Русская философия в постижении смысла делала акцент на конечных судьбах мира и человека. Она стремилась предвосхитить итоги мировой истории и жизни человечества. «Познание итога человеческой жизни — это познание Божественного замысла». Конечный смысл всего сущего и средоточие всех смыслов — это Логос, то есть Христос, Спаситель мира и человечества. Таким образом, в поисках смысла русская философия стремилась обрести не только истину, но и спасение.²⁸

²⁹Карасев Л.В. Русская идея (символика и смысл) // Вопр. философии. 1992. № 8. С. 101, 104

Вопрос о спасении может возникнуть только при условии, что существует опасность гибели не только отдельного человека, страны (в данном случае — России), но и всего человечества. «Философия есть спрашивание о смерти, о «самом главном», — пишет Л. Карасев. Но спрашивать можно по-разному. История западной философии — это история кружного пути мысли, создание завалов на пути к смерти. Русское же изумление перед смертью вылилось в детский прямой вопрос, в первый и одновременно самый последний. <...> Нет проблемы России, есть проблема преодоления смерти. Это то общее, что прорывается сквозь все многообразные формы русского духовного движения»²⁹. Вопрос о смерти и ее преодолении (спасении), таким образом, составляет центральную болевую точку и основное задание русской религиозной философии и так называемой русской идеи. Причем смерть здесь понимается в самом широком смысле, как синоним всякого разрушения и распада, включая личностный, социокультурный (судьба России) и глобально-космический аспекты бытия.

Духовное преодоление смерти в русской философии осуществляется на путях синтеза, стремлением к всеединству. Всеединство — ключевое понятие и смысловое ядро философии Вл. Соловьева и его последователей, даже тех, кто формально его (всеединство) не признает (например, Н.О. Лосский или И.А. Ильин). Это родовое понятие по отношению к ряду понятий и соответственно проблем русской религиозной философии: теодицее, антроподицее, соборности, Богочеловечеству, софиологии и другим, посредством которых в различных ракурсах рассматривается тема смерти и спасения.

³⁰Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 216

³¹Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 3. С. 339—340

Аксиология смерти. Конечно, смерть есть зло, потому что она олицетворяет абсурдность бытия. Но в абсурдности смерти, как это ни парадоксально, и заложен ее смысл. «Смысл связан с концом, — писал Н. Бердяев. — И если бы не было конца, т.е. если бы в нашем мире была дурная бесконечность жизни, то смысла в жизни не было бы. Смысл лежит за

пределами этого замкнутого мира, и обретение смысла предполагает конец в этом мире»³⁰.
Смысл, то есть позитивное значение смерти заключается также в том, что она придает ценность жизни в целом и в самой жизни дифференцирует истинные и ложные ценности. «Око смерти глядит просто и строго; не все в жизни выдерживает ее пристального взгляда.<...> Жизнь стоит только тем, за что стоит бороться на смерть и умереть; все остальное малоценно или ничтожно. Все, что не стоит смерти, не стоит и жизни. Ибо смерть есть пробный камень, великое мерило и страшный судия»³¹

³²Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 217

³³Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 62.

³⁴Арсеньев Н.С. О смысле страдания // Русские философы (конец XIX — середина XX века). Антология. М., 1993. Вып. 1. С. 22

Абсурдность смерти, ее деморализующее и разлагающее влияние на человека в полной мере обнаруживаются в страданиях, и прежде всего в страдании страха смерти. Однако, опять же, за видимой бессмысленностью страданий и страха смерти скрывается их глубокий смысл и позитивная ценность. «Не низменный страх, но глубокая тоска и ужас, который вызывает в нас смерть, есть показатель того, что мы принадлежим не только поверхности, но и глубине, не только обыденности жизни во времени, но и вечности. Вечность же во времени не только притягивает, но и вызывает ужас и тоску. Тоска и ужас вызываются не только тем, что кончается и умирает дорогое нам, к чему мы привязаны, но в большей степени и еще глубже тем, что разверзается бездна между временем и вечностью. Ужас и тоска, связанные со скачком через бездну, есть также надежда человека...»³².

Страдания и бедствия, которым подвергаются люди, бывают нужны, потому что они разрушают иллюзию достигнутого смысла³³, а страх смерти может быть откровением новой реальности, опыт прохождения через страх и ужас пробуждает и укрепляет веру человека в бессмертие своего «Я». Наконец, страдание «может быть выражением близости Божией к нам уже теперь, быть началом присутствия Божия в нас»³⁴.

³⁵Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 140

³⁶Бердяев Н.А. Русская идея // О России и русской культуре. М., 1990. С. 128

Метафизика смерти. В учении о Богочеловечестве Вл.Соловьев и его последователи проводят мысль о соизмеримости Бога и человека. Если Бог, в кенозисе сошедший к людям, вочеловечился, то и человек, приняв в свое сердце Бога, может обожиться. «Человек не только имеет ту же внутреннюю сущность жизни — всеединство, — которую имеет и Бог, но он свободен восхотеть иметь ее как Бог, т.е. может от себя восхотеть быть как Бог»³⁵, — писал Вл. Соловьев. Однако человек может обожиться не посредством самообожания и самообожествления. «Человек должен стать богом и обожиться, но он может это сделать лишь через Богочеловека и в Богочеловечестве»³⁶. Обожение — это не только антропологическая, но и историческая задача, поскольку Богочеловечество есть, по сути, Церковь (сообщество верующих во Христа), рассмотренная под углом зрения ее исторического развития, которое, как известно, завершается вторым пришествием Спасителя, то есть окончательным соединением Бога и человека. Таким образом, учение о Богочеловечестве вполне вписывается в канон православной сотериологии, которую отличает от учения Западной церкви как раз концепция обожения, разработанная еще святыми отцами Восточной церкви и неоднократно засвидетельствованная в житиях православных святых, в частности оптинских старцев.

³⁷Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982. С. 365

Однако некоторые русские мыслители не ограничились традиционным православным учением о спасении. Они попытались создать собственные теории бессмертия. Наибольший

интерес, несомненно, вызывает «Философия общего дела» Н. Федорова. Существование смерти философ объясняет не столько естественными причинами, сколько умственным и нравственным несовершенством людей. «Христианство верит в торжество над смертью; но вера эта мертва, а потому смерть и существует; вера же будет мертва, пока она останется выделенною от всех других сил человека, т.е. пока все силы всех людей не объединятся в общей цели воскрешения»³⁷. Итак, главное Дело всего человечества и смысл жизни каждого человека — это воскрешение умерших людей и вообще избавление человечества от смерти.

Н. Федоров называл свое учение Новой Пасхой. В этом определении зафиксированы как преданность христианской традиции, так и намек на ее модернизацию. Модернизация христианского учения осуществляется религиозным философом посредством привлечения к делу спасения науки и связана с его убеждением в том, что во всеобщем деле воскрешения могут и должны соединяться не только верующие, представители разных религиозных конфессий, но и неверующие.

Учение Н. Федорова вызывает много вопросов и не безупречно с духовной точки зрения. Он упорно отстаивает идею о воскрешении умерших отцов, но не совсем понятно, как он мыслит это воскресение по существу, как в этом общем деле должны сочетаться научные методы и религиозно-духовный опыт разных народов, разных конфессий. Общее дело, к которому призывает мыслитель, скорее человеческое, чем Богочеловеческое. Хотя Н. Федоров не отвергает воскресения как «дела» Божественного и трансцендентного, но считает, что оно возможно только тогда, когда человечество не осуществит задачу воскрешения, и будет констатацией морального и онтологического поражения человеческого рода, которому грозит Страшный Суд и разделение на спасенных и поверженных в ад. Религиозный философ не мирится с этим и не верит в такую перспективу человечества.

³⁸Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 224—225

Моральный протест Н. Федорова против смерти застигает от его взора ее глубину и неоднозначность. По словам Н. Бердяева, «в отношении Н. Федорова к смерти была не только большая правда, но и большое заблуждение и неверное понимание тайны смерти. Н. Федоров был убежденным христианином, но как будто не понимал тайны Креста и Голгофы, не принимал искупительного смысла смерти. Смерть не была для него внутренним моментом жизни, через который всякая греховная жизнь должна пройти.<...> Смерть нельзя победить, отрицая всякий за ней смысл, т.е. метафизическую ее глубину»³⁸.

Согласно учению Н. Федорова, успех «общего дела» поставит новую задачу: расселение воскресших поколений в космосе. Освоение космоса является необходимым условием существования человечества, победившего смерть. Это условие также расходится с традиционной религиозной точкой зрения, согласно которой история человечества рано или поздно закончится, произойдет ее трансформация в метаисторию, когда время перельется в вечность. Н. Федоров мыслит воскрешение как процесс, который будет разворачиваться в физической реальности. Традиционная христианская эсхатология говорит о воскресении, которое произойдет за пределами мировой истории и физической реальности.

³⁹Соловьев В.С. Сочинения.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 538

Вл. Соловьев был автором не только «Чтений о Богочеловечестве», но и трактата «Смысл любви», в котором попытался решить проблему бессмертия и нетленности человека на основе синтеза платонических и христианских идей. С точки зрения мыслителя, половая любовь — любовь между мужчиной и женщиной является наиболее совершенным типом любви, благодаря которой происходит образование целостной личности (андрогинизм) и преображение, одухотворение плоти. Любовь есть Богочеловеческое дело, потому что она есть дар Божий, что соединяет прочно пару людей только тогда, когда они веруют в Бога. Согласно воззрениям Вл. Соловьева, истинная любовь не может замкнуться на счастье двоих «Действительно спастись, т.е. возродить и увековечить свою индивидуальную жизнь в

истинной любви, единичный человек может только сообща или вместе со всеми»³⁹. Таким образом, по Вл. Соловьеву, истинная половая любовь способна послужить основой для объединения всего человечества, преображения его и всего космоса, в итоге которого человек обретет не только бессмертие, но и нетленность своего тела.

⁴⁰Трубецкой Е.Н. Миросозерцание Вл.С. Соловьева: В 2 т. М., 1913. Т. 1. С. 621

Е. Трубецкой в двухтомной монографии «Миросозерцание Вл.С. Соловьева» писал: «Утопия половой любви, дающей бессмертие, странным образом противоречит самой основе миросозерцания Соловьева: нельзя одновременно утверждать, как он это делает, что всеобщий, для всех обязательный путь к воскресению есть животворящий крест Христов и что он есть половая любовь, — что Христос поправил смерть смертью, а что мы должны победить смерть через соединение с возлюбленной»⁴⁰.

Модернизировать христианское учение о бессмертии пытались также Л. Толстой, полагавший, что для нравственного человека нет смерти и страданий; В. Розанов, одухотворявший пол и родовую стихию, видевший спасение в деторождении; Н. Бердяев, уповавший на творчество, в котором человек, по его мнению, уподобляется Богу.

⁴¹Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 1997. С. 194

⁴²Гоголь Н.В. Духовная проза. М., 1992. С. 443

Нормативная этика смерти. Основной императив и пафос русской религиозной философии нашел выражение в русской идее, которую не следует понимать как исключительную озабоченность мыслителей о судьбе своей страны и своего народа. «Можно без преувеличения сказать, — писал В. Шубарт, — что русские имеют самую глубокую по сути и всеобъемлющую национальную идею — идею спасения человечества»⁴¹. Суть русской идеи — сохранение, преображение и спасение человека. Человек здесь понимается и как индивидуальное существо — личность, и как род — человечество. Не только у русских есть самоубийственные тенденции, но и у человека вообще, которому сильно польстили, назвав его *Homo sapiens*. XX век показал невиданную силу человеческой неразумности и даже безумия, поставивших под сомнение сам факт существования человечества. Русская идея есть предостережение человеку о ложных путях жизнеустройства, ложных путях спасения, губительных для него и мира. Только глубоко задумавшись о своей личной судьбе, о бренности жизни и сделав практические усилия по наполнению жизни духовным и нравственным содержанием, мы сохраним, преобразим и спасем не только себя, но и народ, которому принадлежим, и человечество. Русскому надо исходить из того, что Россия — не вне него, а в нем самом, в его сердце. Только совершенствуя себя, он будет содействовать расцвету и спасению России. Чтобы сад благоухал, не сомневался Гёте, каждая роза должна привести себя в порядок. В этом отношении всегда актуальными будут слова Н.В. Гоголя: «Считаю долгом сказать вам теперь напутственное слово: не смущайтесь никакими событиями, какие ни случаются вокруг вас. Делайте каждый свое дело, молясь в тишине. Общество тогда только поправится, когда всякий частный человек займется собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих. Все придет тогда в порядок, сами собой установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы, законные всему. И человечество двинется вперед. <...> Будьте не мертвые, а живые души»⁴².

На фоне глобальных проблем, угрожающих существованию современной цивилизации, установки русской религиозной философии, русской идеи спасения, выглядят необычайно актуальными и вполне достоверными.

* * *

На основе рассмотрения различных парадигм осмысления проблемы жизни и смерти, данных, правда, различной степени полноты и детализации, можно сделать ряд, с нашей

точки зрения, принципиальных выводов. Во-первых, восприятие, осмысление и переживание смерти, представления о посмертном существовании глубоко укоренены в менталитете и психологии того или иного народа, связаны с особенностями той или иной культуры. Это обстоятельство предостерегает нас от попыток унификации культур и людей, побуждает нас к глубокому изучению духовного опыта и философских традиций разных народов. Такие унификации неизбежно приведут к упрощению жизни и внутреннего мира человека. Нетрудно предположить, что в первую очередь пострадают те религиозные и философские системы, которые культивируют более сложный комплекс идей и более требовательные императивы, предъявляемые человеку. Во-вторых, обзор разных подходов к теме смерти и бессмертия однозначно свидетельствует об универсальности человека, которую надо понимать не как тождественность его природы, а как безграничность возможностей развития в разных направлениях. Человек — это существо, для которого практически нет ничего невозможного. Другое дело — как он сам использует свои дары и силы: во благо или во вред. В-третьих, находясь в условиях открытого диалога культур и народов, мы не имеем права некритически заимствовать опыт других народов и культур, в особенности касающийся тех сфер, которые составляют онтологический и экзистенциальный слой человеческой жизни. Это чревато серьезными последствиями для психического и физического здоровья людей и духовного единства народов, обществ и государств.

©В.Ш. Сабиров

